

Интервью Дмитрия Медведева телекомпании CNN

Ф.ЗАКАРИЯ: Президент Медведев, ещё раз спасибо за то, что Вы согласились дать нам интервью.

Как это вообще быть в Вашем положении, Вы избраны, и какие для Вас были первые сюрпризы, когда Вы стали Президентом России?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я не думаю, что открою для Вас какую-то особую истину, если скажу, что работа у Президента очень интересная, но довольно сложная. И не важно, сколько тебе лет, 44 года или 88, — это требует определённой мобилизации. Мы с Вами приблизительно одного возраста, поэтому Вы можете себе представить, какие эмоции в этом случае испытываешь. Хотя, конечно, с другой стороны, для того чтобы всё это понять и почувствовать, нужно немножко посидеть в этом кресле. Это так, это правда.

Что касается моей работы, то я могу сказать, что, наверное, те испытания, которые для меня являются значимыми, они сегодня очевидны. Это экономический кризис, который, к сожалению, случился в прошлом году. Я ещё только несколько месяцев был Президентом, когда в воздухе появился «аромат» кризиса, и все мы почувствовали, что это довольно серьёзно, что это рассчитано на значительное время.

Другой очень большой, серьёзной проблемой были, конечно, те испытания, с которыми мы столкнулись в результате грузинского инцидента, когда нам пришлось защищать народ Южной Осетии. Я не хотел, чтобы события развивались по такому сценарию, но мне пришлось принять такое решение. Вот, наверное, два наиболее серьёзных испытания, с которыми мне пришлось столкнуться в самом начале работы.

Ф.ЗАКАРИЯ: Позвольте мне спросить о других вопросах, с которыми Вы сталкиваетесь. Россия сказала, что не хочет, чтобы Иран развивал ядерное оружие. Премьер-министр Путин об этом говорил, Вы об этом говорили. Но МАГАТЭ говорит, что Иран не сотрудничает, чтобы мир был уверен в том, что там исключительно мирные программы. Иран говорит, что больше не будет вести переговоры по этим вопросам, и в то же время Россия говорит, что не будет поддерживать какие-либо новые санкции против Ирана. Таким образом, российская политика, связанная с тем, чтобы не допустить развития ядерных военных программ Ирана, — это пустые слова? Предусматривает ли Россия какие-то конкретные шаги по обеспечению того, чтобы Иран не получил ядерное оружие?

Д.МЕДВЕДЕВ: У нас существуют свои достаточно развитые отношения с Ираном, поэтому я могу судить о намерениях Ирана не понаслышке, не из справок спецслужб других стран, а исходя из реальной картины. Я, безусловно, полагаю, что Иран нуждается в системе мотивации к правильному поведению по вопросам своей ядерной программы. В этом никаких сомнений.

Во-вторых, Иран должен сотрудничать с МАГАТЭ, он должен сотрудничать с Международным агентством, потому что это его обязанность.

В-третьих, мы должны создавать для Ирана систему позитивных мотивов для того, чтобы он хотел этого сотрудничества. 9 сентября Иран передал свои предложения, посвящённые этим наиболее сложным вопросам, и сейчас они анализируются.

Уже прозвучали голоса о том, что это слишком мало, это слишком общие предложения. Вы знаете, я считаю, что наша обязанность, всех государств, которые работают над этой проблемой, — эти предложения как минимум изучить. Сначала Иран долго изучал тот пакет стимулов, который ему передавался при посредничестве Соланы. Сейчас нужно изучить этот пакет.

Что же касается санкций — мне только что на эту тему довелось рассуждать во время общения с политологами, которые приехали на конференцию [конференция «Современное государство и глобальная безопасность» в Ярославле]. Я им сказал простую вещь: как правило, санкции ни к чему не приводят, хотя

иногда они бывают необходимы. Но, прежде чем говорить о применении каких-то дополнительных санкций, мы должны выбрать весь свободный ход, весь воздух, который существует. Вот это будет ответственным поведением со стороны мирового сообщества. Да, мы должны стимулировать Иран, но мы должны чётко быть уверены, что у нас не остаётся никаких других вариантов и что наши иранские коллеги нас по каким-то причинам не слышат. Вот это, по-моему, самая простая и прагматическая позиция. И, кстати сказать, я её озвучивал во время консультаций по этому поводу, которые состоялись на «восьмёрке» в Италии, когда мы обсуждали этот вопрос, когда это обсуждали все лидеры восьми государств.

Ф.ЗАКАРИЯ: Но Вы хотите сказать, что Иран имеет обязательства сотрудничать с МАГАТЭ, а если он не будет этого делать, то Россия будет выполнять свои обязательства, как мировая держава, в ООН и другими путями будет оказывать давление, чтобы Иран сотрудничал?

Д.МЕДВЕДЕВ: Иран должен кооперироваться с МАГАТЭ, это абсолютно очевидная вещь, если он хочет развивать свою программу по ядерной составляющей, по ядерной энергетике. Это его обязанность, а не его выбор. Потому что в противном случае действительно будет всё время возникать вопрос: а что он делает? Вот это очевидно.

Ф.ЗАКАРИЯ: И Россия готова выполнять свои обязательства?

Д.МЕДВЕДЕВ: Конечно.

Ф.ЗАКАРИЯ: Позвольте спросить по другому вопросу, связанному с этим. Россия согласилась продать Ирану систему С-300, систему ПРО. Когда вы её поставите в Иран?

Д.МЕДВЕДЕВ: У нас действительно есть военная составляющая в отношениях с Ираном, и мы думаем о том, что это должна быть такая работа, которая полностью соответствует международным обязательствам как со стороны России, так и со стороны Ирана. Мы никогда не поставляли и не будем поставлять Ирану то, что находится за пределами действующей системы международного права. Если мы что и поставляли и будем поставлять, это всегда оборонительные комплексы, и это наша чёткая позиция. Этого я и буду придерживаться при принятии окончательных решений по всем существующим контрактам с Ираном.

Ф.ЗАКАРИЯ: Вы знаете, что многие люди в Израиле говорят, что, если вы поставите эту систему Ирану, израильтяне будут считать, что у них есть право нанести удар по Ирану до того, как эта система будет развёрнута, с тем чтобы не позволить создать дополнительные сложности для такого удара. Таким образом, возникает определённое окно для усугубления напряжённости.

Д.МЕДВЕДЕВ: Через час я буду разговаривать с Президентом Израиля господином Пересом, который, когда недавно был у меня в Сочи, сказал очень важную фразу для всех нас: «Израиль не собирается наносить никаких ударов по Ирану, мы миролюбивая страна и делать этого не будем». Поэтому поставка каких бы то ни было видов вооружений, тем более оборонительного порядка, вооружений, которые направлены на защиту, не может увеличить напряжённость, она, наоборот, должна её снимать. А если есть люди, у которых всё-таки это в планах содержится, то, мне кажется, им нужно думать об этом. Поэтому наша задача заключается не в том, чтобы укреплять Иран и ослаблять Израиль или наоборот, а наша задача заключается в том, чтобы на Ближнем Востоке была нормальная, спокойная ситуация. Вот в чём задача, мне кажется, должна быть.

Ф.ЗАКАРИЯ: Когда Премьер-министр Биньямин Нетаньяху был в Москве, Вы ему это сказали?

Д.МЕДВЕДЕВ: Премьер-министр Нетаньяху приезжал в Москву. Он сделал это в закрытом режиме, это было его решение. Я не очень понимаю, с чем оно было связано, но раз наши партнёры так решили, мы к этому отнеслись совершенно нормально, спокойно. Я с ним общался.

Ф.ЗАКАРИЯ: Но Вы сочли, что это была позитивная встреча?

Д.МЕДВЕДЕВ: Это была хорошая, нормальная встреча. Мы обсуждали самые разные вопросы. Я до этого встречался с Президентом Пересом, после этого встречался с Премьер-министром Нетаньяху. Это нормально, это наш диалог. И Ахмадинежад приезжал, но, правда, раньше, и это была не двусторонняя встреча, он приезжал для участия в качестве наблюдателя на сессии Шанхайской организации сотрудничества. Мы со всеми общаемся. Я считаю, что в этом наше достоинство.

Ф.ЗАКАРИЯ: Если бы Израиль напал на Иран, Россия поддержала бы Иран в таком конфликте?

Д.МЕДВЕДЕВ: Россия никого не может поддерживать или действовать в этой ситуации. Мы миролюбивое

государство, и у нас есть своё понимание нашей оборонной стратегии. Это первое.

Второе. У нас есть свои союзники, с которыми у нас заключены те или иные договоры. Но если говорить о ситуации с Ираном, то у нас такого рода обязательств нет. Но это не значит, что мы хотели бы или что мы равнодушно будем относиться к таким событиям. Это самое худшее, что можно себе представить. Мне уже приходилось рассуждать на эту тему. Давайте попробуем порассуждать и мы с Вами. Что после этого произойдёт? Гуманитарная катастрофа, огромное количество беженцев, желание Ирана отомстить, причём не только Израилю, скажем откровенно, но и другим странам. И абсолютно непредсказуемое развитие событий в регионе. Я думаю, что масштаб этого бедствия почти ни с чем невозможно соизмерить. Поэтому, прежде чем принимать решение о нанесении ударов, нужно взвесить ситуацию. Это было бы самым неразумным развитием событий. Но мне мои израильские коллеги сказали, что они не собираются действовать так, и я им доверяю.

Ф.ЗАКАРИЯ: Вы не ожидаете израильского удара?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я надеюсь на то, что это решение не будет принято. Нужно стараться подталкивать Иран к кооперации, к сотрудничеству. И, конечно, Иран не должен заявлять такие вещи, которые он заявлял, например, в отношении Израиля, когда было сказано, что он не признаёт существование этого государства. Это неприемлемо в современном мире, неприемлемо в современной системе международных отношений. Вот об этом нужно задуматься Ирану.

Ф.ЗАКАРИЯ: Позвольте мне спросить о российско-американских отношениях. Президент Обама и госпожа Клинтон говорили о «перезагрузке» отношений. Ваш посол в НАТО сказал, что встреча Обамы с Медведевым принесла хорошие результаты, и это может открыть новую эру в российско-американских отношениях. Чего Вы ожидаете от американской администрации, говоря конкретно о вопросах, связанных с НАТО, и о системе ПРО? Что конкретно Вы ожидаете от американцев в плане результатов?

Д.МЕДВЕДЕВ: Мы получим хорошие результаты. Действительно, пока у нас складываются вполне позитивные отношения с новой администрацией, у меня лично с Президентом Обамой, у других руководителей, у других министров – со своими коллегами. Это очень важно, чтобы мы всё-таки говорили на близком языке. К сожалению, этого не получалось с предыдущей администрацией в последние годы, хотя до этого мы могли договариваться по всем вопросам, которые были на совместной повестке дня, и, не буду скрывать, в определённых ситуациях мы всё-таки старались помогать нашим американским коллегам, особенно после событий 11 сентября.

Надеюсь, что та самая «перезагрузка», хотя этот термин очень условный, принесёт свои результаты. Это должно распространяться не только на вопросы ограничения стратегических наступательных вооружений, но и на другие темы. Это должно касаться наших отношений по европейским проблемам, по ближневосточным вопросам, то, о чём мы, кстати, только что с Вами говорили. Это должно касаться ряда крупных конвенций, которые мы совместно готовим. Это должно касаться климата. Это должно касаться двусторонних отношений в экономической сфере, потому что всё-таки за последние годы они развивались, но не так интенсивно, как нам бы хотелось. В нашем товарном обороте доля Америки не столь значительна, как нам бы того хотелось, а в американском обороте она совсем небольшая. Хотя это миллиарды долларов, но всё-таки потенциал наших стран другой.

Ну и, наконец, у нас есть одна тема, которая является общим вызовом, самым сложным в настоящий момент, – это экономический кризис. Здесь мы находимся в состоянии кооперации, мы созваниваемся, обмениваемся посланиями, наши помощники находятся в постоянном контакте.

Поэтому в целом я считаю, что сейчас неплохие перспективы, но важны результаты. Здесь я согласен с Президентом Обамой, который сразу мне сказал: «Давай всё-таки будем выходить уже на окончательные договорённости». Я поддерживаю это намерение, я поддерживаю намерение договориться по стратегическим наступательным вооружениям, например. Это не единственная тема, не нужно сводить наши отношения только к этому аспекту. Но это всё-таки важный аспект, его все ждут, он для всех интересен. Если к концу года мы договоримся, а шансы достаточно высокие, я считаю, то это было бы очень полезным и для нас, и для всего мирового сообщества. Только не нужно говорить, конечно, что мы это делаем под влиянием каких-то внутренних причин и так далее, потому что это всегда будет смотреться достаточно недружественно и на самом деле не будет отвечать реальной ситуации. Всё, что мы делаем, я имею в виду Российскую Федерацию, продиктовано нашим пониманием наших национальных интересов, точно так же, как всё, что делает правительство Соединённых Штатов Америки, продиктовано национальными интересами США.

Ф.ЗАКАРИЯ: Я понимаю, что есть широкий круг вопросов в США. Но ключевые, конечно, самые срочные вопросы, это вопрос НАТО и потенциальное расширение НАТО, включение в НАТО Украины и Грузии и недопущение установки ПРО в Центральной Европе. Вы хотите получить гарантии по этим вопросам?

Д.МЕДВЕДЕВ: Мне хотелось бы, чтобы по этим вопросам произошли изменения в позиции Соединённых Штатов Америки. Я уже говорил об этом: определённые позитивные подвижки есть. Мне было сказано Президентом Обамой: мы берём время на то, чтобы проанализировать последствия размещения нового района противоракетной обороны в Чехии и Польше. И сейчас идёт анализ. Я надеюсь, что этот анализ в конце концов завершится нормальными выводами. А выводы простые, я уже тоже об этом неоднократно говорил, они заключаются в том, что вопросами противоракетной обороны нельзя заниматься изолированно двум-трём странам. Эти вопросы глобальны. Мы сейчас говорили о проблемах на Ближнем Востоке, есть проблема Северной Кореи, ряд других проблем. Поэтому защита должна иметь глобальные измерения, а не состоять из какого-то небольшого количества ракет, которые прежде всего долетают до нашей территории и не покрывают другие расстояния. Я надеюсь, что это наши американские партнёры услышали.

Что касается Украины и Грузии, здесь всё просто. Я считал и считаю, что такие решения должны приниматься на основе суверенного решения соответствующих государств.

Украина: там не было никакого референдума. Там есть определённые результаты прогнозов отношения народа к этой теме. Две трети населения страны не поддерживают вступление в НАТО, а отдельные руководители Украины с настойчивостью, достойной лучшего применения, постоянно заталкивают государство в НАТО. Если это делать, то тогда необходимо провести референдум, необходимо провести процедуры. Хотя для нас это было бы не лучшим решением по вполне понятным причинам. Мы имеем ровные, нормальные отношения с Североатлантическим альянсом. Сейчас они стабилизированы после трудного периода прошлого года. Мы хотим их развивать и дальше.

Но не нужно забывать, что НАТО – это всё-таки военный блок и его ракеты направлены в российскую сторону. И от того, что количество стран, входящих в НАТО, всё расширяется и расширяется и подходит к нашим границам, мы не испытываем никаких положительных эмоций, нам это не нравится, и мы открыто об этом говорим.

Нужно заниматься европейской безопасностью. Давайте продвигать совместные институты. Мне кажется, что вот об этом нужно задуматься. И эта позиция, кстати, как мне представляется, находит понимание у ряда европейских государств, которые предлагают не форсировать вступление в НАТО тех стран, которые к этому не готовы. И мне бы хотелось, чтобы ещё и само НАТО задумалось: а способна ли в этом случае организация управлять таким количеством стран, у которых такое количество внутренних проблем? Если это делается назло России, ну тогда можно и другие страны принять в НАТО, но я надеюсь, что всё-таки не эта мотивация присутствует у руководства Североатлантического альянса.

Ф.ЗАКАРИЯ: Когда Вы говорите об Украине, говорите, что там должны провести референдум, стоит отметить, что Украина – суверенное государство, и она может вступать в любой альянс, в который пожелает. Конституционно нет требования, чтобы Украина проводила референдум, хотя многие люди и полагают, что Россия не удовлетворена, что Украина независима, поскольку они считают, что Украина во многом ещё часть России. И люди не могут примириться с тем, что потеряли Украину, так как всё-таки в любом случае мы считаем, что у Украины есть возможности присоединиться к любому альянсу и им не нужно Вашего предписания по Конституции, делать это или нет.

Д.МЕДВЕДЕВ: Вы правы. Вопрос вот в чём: я не даю никаких рекомендаций Украине, мне просто кажется, что украинские политики должны об этом задуматься. Я не являюсь специалистом в области украинского законодательства, но, если бы мне приходилось принимать подобные решения, а речь идёт о вхождении в военный блок (мы когда-то все были в одном военном блоке, он назывался Варшавский договор, и он был прямым оппонентом НАТО), я считал бы, что по таким вопросам принято консультироваться с населением. Конечно, это их суверенные права, но, насколько я знаю, значительная часть украинских политиков придерживается именно такой позиции, как я: для вступления в НАТО требуется референдум. А то, что нынешний Президент так не считает, ну это его дело.

Поэтому я думаю, что об этом нужно помнить. Что касается нашего отношения к Украине, то это сердечное, дружеское отношение. У нас у всех есть родственники на Украине, близкие и друзья, у нас у всех есть потребность общаться. Украина движется своим путём, это самостоятельное государство, пусть развивается. У Украины очень большие экономические трудности, есть свои проблемы такого национального порядка, пусть наши коллеги с этим разбираются.

Что мне не нравится? Это то, о чём я сказал в своём недавнем видеообращении и в своём письме на имя Президента Ющенко. Мне не нравится только одно, что основной линией политики у действующего руководства, я имею в виду в данном случае Президента страны, моего коллегу, стала антироссийской позиция. И что бы там ни говорили, я абсолютно уверен в том, что это основная линия поведения. Это очень обидно и неправильно, потому как мы настолько близко связанные народы, что всякий, кто пытается вбить клин между двумя народами, совершает ошибку, если не сказать преступление перед будущими поколениями. Поэтому моё обращение имело только один смысл – чтобы украинские политики, прежде всего Президент Украины, призадумался об этой политике. Мне не очень нравится то, что на Украине происходит героизация, как принято говорить, нацистских преступников. Вообще-то мы когда-то все вместе боролись против нацизма. Это понимают в других странах, но почему-то не хотят понимать некоторые украинские руководители. Я имею право на такие оценки, потому что это общий вызов, общая угроза. Нацистские преступники когда-то были судимы Нюрнбергским трибуналом.

Поэтому есть вещи, которые на самом деле являются важными для будущего наших отношений. Мы ничего не навязываем, мы ни к кому не обращаемся. Я специально говорил, я даже не апеллирую к народу Украины, потому что у народа Украины есть своё руководство. Но, как руководитель страны, я должен заявить позицию своему коллеге. С учётом того, что там происходило и происходит, мне пришлось принять неприятное решение не отправлять, временно пока, нового посла на Украину, чтобы наши украинские коллеги всё-таки призадумались о последствиях такого курса.

Ф.ЗАКАРИЯ: Вернёмся к тому, о чём мы говорили раньше. Что Вы думаете о Президенте Обаме? Вы много времени ведь с ним провели в переговорах.

Д.МЕДВЕДЕВ: Мне нравится общаться с Президентом Обамой. Мы с ним провели мероприятие, достаточно серьёзное мероприятие, во время его визита в Россию. Мы с ним провели вместе восемь часов, я посчитал. Это очень немало для такого рода контактов, потому что зачастую переговоры между президентами вместе с официальной частью, обедом продолжаются два – два с половиной часа. Кстати сказать, у нас так часто было с американскими партнёрами до того. В этот раз мы говорили восемь часов. Я благодарен своему коллеге за то, что он всё-таки хочет разобраться во многих проблемах. Это важно. Есть ещё одно хорошее качество – он слушает аргументы, формулирует позицию. Она может не совпадать, допустим, с российской позицией, но это хотя бы результат достаточно продуманной политики, размышлений о том, что полезно, допустим, для Соединённых Штатов Америки, или бесполезно. В этом смысле общаться с ним комфортно. Но от нас ждут результатов, а не просто хорошего совместного времяпрепровождения, хотя это тоже важно.

Ф.ЗАКАРИЯ: Помогает ли то, что вы люди одного возраста?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я думаю, что да, и не только одно и то же поколение, но и общеобразовательная база. Я сказал Президенту Обаме, когда мы с ним проводили только самые первые переговоры, что в тот момент, когда он возглавлял, если я правильно помню, «Гарвардское юридическое обозрение», я читал и гарвардское, и йельское юридическое обозрение, будучи аспирантом. Это всё-таки тоже имеет определённое значение. Но посмотрим. Главное, чтобы мы старались услышать друг друга.

Ф.ЗАХАРИЯ: Я хотел Вас спросить, господин Президент, относительно комментариев вице-президента Байдена о России. Но затем нашел ещё более критичный анализ ситуации в России. Была статья, где говорилось, что в России примитивная экономика, основанная на семье, с врождённой коррупцией, хрупкой демократией и так далее. Это статья, которую Вы сами написали несколько дней тому назад. И мне интересно, кто отвечает за эти условия в вашей стране?

Многие аспекты, которые Вы указали, ухудшились за последние десять лет. Существует индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума. И сейчас, наверное, где-то положение ниже Мексики. И по индексу коррупции вы сейчас на уровне Бангладеш и Сирии.

Журнал «Экономист» говорит, что Правительство не преуспело в создании правовой структуры, чтобы поддержать бизнес, предпринимательство. Ваша статья является сильным обвинением в адрес вашей собственной администрации. Не так ли?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я не знаю, доверяете ли Вы этим индексам. Я им не очень доверяю. Но в том, что Вы говорите, есть определённый смысл, безусловно.

Я прямо написал в последней статье, что мне тоже не нравятся очень многие структурные элементы нашей экономики. Мне не нравится её ориентация на сырьё. Мне кажется категорически неприемлемым уровень

коррупции. Мне тоже кажется, что мы ещё не во всём преуспели в строительстве современного демократического государства, развитии правовой системы. Но это не значит, что у нас, во-первых, нет никаких успехов и что мы движемся в неверном направлении. Всё, что Вы назвали, и всё, что я назвал в собственной статье, это возникло не в это десятилетие. Это возникло ещё в советский период и в 90-е годы. Это абсолютно точно. И поэтому отвечать на эти вызовы мы должны путём нормальной, современной, качественной работы по созданию нормального рынка и так далее. Считать, что в России наблюдается регресс в области экономических свобод, развития экономики, было бы достаточно забавным даже по одной простой причине – потому что уровень жизни, количество людей, которые стали богаче в прямом смысле этого слова, за последние десять лет существенно увеличилось – это неоспоримый факт. Я неоднократно об этом говорил, я ещё раз скажу...

Ф.ЗАКАРИЯ: Но это из-за цены на нефть, не так ли?

Д.МЕДВЕДЕВ: В 90-е годы тоже были разные периоды с ценами на нефть, но в 90-е годы, когда я работал в университете, так же как Президент Обама, у меня была зарплата 10 или 15 долларов в месяц, а это не очень большая зарплата. И это не только результат цен на нефть, хотя я говорил и сегодня об этом, и в своей статье, и на форуме вчерашнем, что, конечно, мы должны менять структуру экономики – это совершенно очевидно.

Что же касается статьи господина Байдена, о которой Вы сказали, я не думаю, что это хороший пример устанавливать добросердечные отношения с партнёром по одной простой причине – потому что о своих недостатках мы и так знаем, а вот делать довольно сомнительные выводы мне представляется неверным. Что сказал господин Байден? Он сказал дословно следующее: Россия договаривается с нами по поводу ядерного оружия, потому что у неё слабая экономика и она неспособна его содержать. Это ошибка. Во-первых, ядерное оружие – это такая сфера, которой уделяет внимание любое государство. Я уверен, что даже самые слабые государства в последнюю очередь уменьшают расходы на свою оборону. Поэтому с этим у нас проблем нет.

И, во-вторых, это просто неправильный ход, потому что, только начав выстраивать отношения (надеюсь, новые, современные, эффективные отношения) с Российской Федерацией, пытаться напрягать их таким образом – это допускать явную ошибку.

И поэтому, я так понимаю, что, если это отражение взглядов одного человека – ну это в конце концов вопрос к американскому руководству, а если это отражение линии – это повод призадуматься о том, что происходит и что будет происходить. В конце концов я полагал раньше, что внешнюю политику в Соединённых Штатах Америки определяет одно лицо – Президент США.

Ф.ЗАКАРИЯ: Позвольте мне спросить о сфере военных отношений. Многим вне России кажется, что Россия очень заинтересована в вооружении, в том, чтобы, может быть, поставить флаг на дне около Северного полюса. Модернизация экономики – более сложное дело и требует больших усилий. Почему Россия так заинтересована в вопросе уважения к её статусу?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я не думаю, что это всё так вот просто. Могу сказать только одно, что в России, конечно, есть собственное национальное восприятие и своей роли в мире, и своих достижений. Кстати сказать, я написал в этой статье, ведь речь идёт о случаях, когда Россия на самом деле приходила в прямом смысле этого слова на помощь человечеству, и всё-таки только нечестные люди могут говорить о том, что Вторую мировую войну выиграл кто-то другой. Россия внесла решающий вклад в победу над нацизмом. Это очевидно для любого честного наблюдателя. Поэтому это определённым образом действительно является частью национальной психологии. Этим нельзя упиваться, нельзя делать вывод о собственном величии только на базе предыдущих достижений: полёта в космос, победы в войне, хотя об этом обязательно нужно помнить, нельзя этого недооценивать. Но реально мы должны предъявлять новые достижения – это действительно самое главное. И здесь требуется изменение психологии, это точно.

Почему мы должны освободиться от коррупции? Потому что коррупция малого того что это преступление, она просто мешает нашему развитию, она ломает систему ценностей. Если деньги можно украсть, зачем их зарабатывать? Если можно брать взятки, зачем трудиться? Если можно коррумтировать чиновника, зачем выигрывать в честном тендере? Вот эти вещи действительно требуют переосмысления.

Ф.ЗАКАРИЯ: Господин Медведев, я должен сказать. Когда я говорил с россиянами о коррупции, они говорили, что частью проблемы, центральной частью даже, является то, что российское Правительство создало систему такого сильного государства с таким большим влиянием государства, что коррупция фактически поддерживает власть и положение российского режима. Так что легко говорить о коррупции в любом случае.

Но коррупция находится в сердцевине, в возможности со стороны Кремля контролировать ситуацию в стране.

Д.МЕДВЕДЕВ: Я не уверен, что это хорошая позиция, потому что так легко сказать, что коррупция превратилась в часть национальной системы, и она нужна всем и, по сути, помогает управлять страной. Это совсем не так. Если бы это было так, у нас бы не возникало проблем. Коррупция не является эффективным способом управления экономикой, хотя она существует в любой стране. Только в некоторых странах её масштабы велики, как в России, к сожалению, а в некоторых странах её масштабы существенно меньше.

Мне сегодня приходилось рассуждать на эту тему. Я сказал, что ведь очень многие страны прошли через такой уровень коррупции, организованной преступности. И в Соединённых Штатах Америки, давайте вспомним, что было в 20–30-е годы – тоже было нелегко. Но вам же удалось с этим справиться. Стреляли практически на каждом перекрёстке. Но ничего, сегодня, как мне представляется, с коррупцией в Соединённых Штатах дела обстоят не очень плохо.

И мы тоже способны с этим справиться. Но, если, конечно, говорить, что это часть государственной жизни, – это просто лучшее оправдание коррупции. Видимо, так говорит тот, кто сам берёт взятки.

Ф.ЗАКАРИЯ: Давайте я Вам скажу, теоретически, почему России нужно иметь намного лучшие отношения с Западом, чем сейчас. И скажите мне, согласны ли Вы с такой позицией. Перед Россией стоят большие вызовы. Вы изложили их модернизацией экономики. Для этого необходимо постоянно взаимодействовать, поддерживать хорошие отношения с центрами развития в Западной Европе, в США, в Японии.

Стратегический вызов для России состоит в радикализме, жестокости исламского движения с юга, потенциально хаотической ситуации на Дальнем Востоке, где 30 миллионов россиян и миллиард китайцев смотрят друг на друга. В этих условиях возникают постоянные трения с Западом, с США, и это не отвечает национальным интересам России, не так ли?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я почти во всём с Вами согласен, за одной коррективой. Нам действительно нужны хорошие и развитые отношения с Западом во всех смыслах этого слова именно потому, о чём Вы говорите. Потому что есть огромное количество вызовов, на которые мы должны вместе отвечать.

О чём я ещё написал в статье? Нам нужны современные технологии. В некоторых случаях мы должны даже прибегать к кредитованию, хотя у нас достаточно своих возможностей. Есть вопросы, по которым мы вообще не сможем двигаться друг без друга. Климат. Если мы не сможем договориться, то все наши попытки препятствовать развитию парникового эффекта, препятствовать глобальному потеплению, обречены на провал.

Поэтому мы действительно нуждаемся в очень хороших отношениях с Западом. Мне бы хотелось это дополнить только двумя вещами. Я рассчитываю на то, что и Запад нуждается в хороших отношениях с Россией и что это не односторонняя позиция.

И, во-вторых, у нас должны быть хорошие отношения и с другими странами, в том числе с теми, которые Вы упомянули. Потому что мир всё-таки многополюсен сегодня, это все признают, и мы рассчитываем тоже на добрые и хорошие отношения не только с западным миром, но и с другой частью планеты.

Ф.ЗАКАРИЯ: Какой совет бы Вы дали, с учётом опыта вашей страны, Соединённым Штатам в отношении деятельности в Афганистане?

Д.МЕДВЕДЕВ: У нас действительно свой опыт, довольно тяжёлый опыт Афганистана. Совершенно очевидно то, что те решения, которые тогда принимались по вводу советских войск в Афганистан, они всё-таки были не до конца просчитаны. Но сейчас ситуация другая.

Ф.ЗАКАРИЯ: Вы имеете в виду советские решения?

Д.МЕДВЕДЕВ: Да-да. Сейчас ситуация другая. Я хочу сказать, что мы в целом все заинтересованы в том, чтобы у Соединённых Штатов Америки, у стран альянса всё получилось. Ещё в большей степени мы заинтересованы в том, чтобы Афганистан смог создать своё полноценное современное правительство, которое будет управлять в интересах народа, чтобы провинции Афганистана были собраны, чтобы их не делили между собой террористы, чтобы был прекращён заградительный поток героина, который идёт из Афганистана, а это наша огромная общая проблема. В основном практически весь набор тяжёлых наркотиков, которые есть в Европе, они все афганского происхождения. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы там всё получилось.

Что касается совета, то он только один. Надо уважительно относиться к афганскому населению, чувствовать их традиции, не забегать вперёд, не пытаться приносить им рецепты внутреннего устройства, к которым они пока не готовы. Мы рассуждали на темы демократии вчера, когда встречались на конференции, в других местах. Демократия, несмотря на то что является универсальной ценностью, в то же время должна накладываться на национальную почву, она должна быть соразмерна уровню политических представлений народа, тогда она имеет шансы на успех.

Ф.ЗАКАРИЯ: Многие люди рассматривают демократию в России и думают, что она пошла вспять в плане свободы прессы, безопасности журналистов, возможности оппозиционных лидеров и движений участвовать в выборах успешно, что их преследуют, и во всех этих отношениях считают, что демократия пошла вспять. Что Вы скажете на это?

Д.МЕДВЕДЕВ: У меня другая точка зрения на этот вопрос. Я не считаю, что в России происходит регресс демократии. Я неоднократно об этом говорил, попробую и Вам сказать. Дело в том, что демократия периода 90-х годов, точнее, представления о демократии периода 90-х годов, воплощённые в том числе и в ряде законов, – это были наивные представления. В известной мере это были представления, списанные с демократической позиции или представлений развитых государств. Но не всё легко копируется. Поэтому я считаю, что современные представления о политической системе, современная партийная система, современная система наделения полномочиями губернаторов гораздо в большей степени являются демократическими, чем то, что мы имели в 90-е годы. Почему? Потому что она более устойчива и она в лучшей степени защищает интересы населения.

Что касается свободы прессы. Это, конечно, тема, которая всегда будет иметь разные измерения. Мне неоднократно приходилось говорить с моими американскими коллегами по поводу того, что происходит со средствами массовой информации в России. Кто-то считает, что их стало мало, но это не так, их очень много, в том числе и электронных, и печатных, я уж не говорю про интернет, кто-то считает, что они задавлены. Я не думаю, что это честная позиция, потому что практически любой вопрос, который хочется поднять в средствах массовой информации, поднимается журналистами без особых проблем.

Есть ситуации, когда на прессу пытаются давить, я не буду этого отрицать, зачастую это, кстати, происходит в регионах, там, где региональным начальникам не очень нравятся, допустим, критические материалы в свой адрес. Это есть, и на это нужно реагировать, пресса должна сама уметь защищаться.

И, наконец, последнее о прессе. Нравится это кому-то или нет из начальников, но в современном глобальном информационном пространстве не существует закрытых тем. Можно умолчать о чём-то на телевизоре, можно ничего не сказать в телевизионной программе, но с учётом того, что у нас около 40 миллионов человек являются пользователями интернета, о тех или иных событиях через пять минут знает вся страна. Поэтому давить на свободу прессы – абсолютно бесперспективная вещь.

Но, с другой стороны, мы, конечно, должны понимать, что происходит с прессой, Вы сами хорошо знаете эту индустрию. У нас в 90-е годы пресса была устроена несколько иначе, она принадлежала где-то пяти олигархам, которые сводили друг с другом счёты при помощи средств массовой информации, а периодически осуществляли давление на руководство страны. Это тоже неправильно. Пресса должна ощущать своё достоинство, своё место в мире, свою роль в демократическом разделении труда, если хотите. И пресса не должна подавляться не только государством, но и финансовым капиталом. У неё должен быть запас прочности. Как я представляю, в этом смысле мы движемся в правильном направлении. Но я не считаю, что мы имеем идеальную ситуацию, и всегда готов к диалогу по этому поводу. Поэтому за последние годы, если суммировать, наша политическая система повзрослела.

В своей статье я написал, что она далека от идеала. Это правда, она действительно далека от идеала. У нас пока многие демократические институты существуют только на бумаге. Люди безынициативны, не пользуются своими политическими правами. Суд работает не так успешно, как мог бы работать. За защитой своих интересов люди обычно ходят к начальникам различным, а не в суд. На самом деле мне как юристу, конечно, это кажется абсолютно неверным. Нужна иная правовая культура. Нужен уважаемый суд и эффективные правоохранительные структуры. Здесь ещё есть чем заниматься, и мы будем это делать. Но я хотел бы в заключение этого ответа обратить внимание на то, что наша демократия всё-таки довольно молода. В России никогда не было демократического общества до момента возникновения новой страны. Демократии никогда не было ни в царские времена, ни в советские времена. Демократия в нашей стране существует всего лишь 18 лет. Это не так много, если, например, сопоставить с опытом Соединённых Штатов Америки.

Ф.ЗАКАРИЯ: Позвольте задать мне вопрос, ещё один, в отношении демократии. Многих вопрос этот

интересует. Я читал и Конституцию, Российскую Конституцию, и я понимаю вопросы разделения власти Президента и премьер-министра. И моё понимание из того, что я прочитал, заключается в том, что Президент является высшим должностным лицом.

Являетесь ли Вы на самом деле боссом Владимира Путина?

Д.МЕДВЕДЕВ: Было бы грустно, если бы Вы не задали мне этот вопрос. Я считаю, что наше интервью можно было бы в этом случае считать неудавшимся.

По Конституции в стране есть только один Верховный Главнокомандующий, есть только один гарант исполнения Конституции, есть только один глава государства – это Президент страны. Это абсолютно очевидная вещь, мне даже не хочется ничего больше объяснять.

Что касается Правительства, то Правительство в нашей стране, в отличие от Правительства Соединённых Штатов Америки, это полновластный орган. Сравните Конституцию Франции. Там есть Президент. Но там серьёзной фигурой является представитель Правительства. Это никого не удивляет. Поэтому этим всё сказано.

Ф.ЗАКАРИЯ: Французский Президент – очень сильная фигура, а Премьер-министр там не так важен.

Д.МЕДВЕДЕВ: А в чём Вы видите особую какую-то природную или же правовую статусную ситуацию, которая бы отличала, скажем, французского Президента от российского Президента?

Ф.ЗАКАРИЯ: Вы знаете, почему я задаю этот вопрос, господин Президент?

Многие люди говорят, что Дмитрий Медведев – прекрасный юрист, он выступает как реформатор, говорит о многом, что происходит в России, точно, но одно мешает – у него нет власти. Власть у Путина. Таким образом, он является церемониальным фасадом. Что Вы скажете таким оппонентам?

Д.МЕДВЕДЕВ: Это такой разговор, где никогда не будет человека, который услышал другого человека. По всей вероятности, те, кто рассуждает так, должны сказать следующую фразу: действующий Президент страны всё нам докажет только в одном случае, если он уволит Правительство. Я не собираюсь этого делать, потому что мне комфортно работать и с Правительством, и с Путиным. Вот и всё. Если доказательством полномочий Президента является его желание тасовать Правительство, как это делали некоторые мои коллеги в 90-е годы, когда Правительство менялось каждые полгода, если это признак полновластности и демократии, то это не мой выбор. Всё остальное, понимаете, бессмысленно об этом говорить, но в нашей стране всё так забюрократизировано, что никто даже пальцем не пошевелит без того, пока я не подпишу бумагу, даже если они по-разному оценивают кого бы то ни было. Это абсолютно очевидная вещь для всех, кто хочет в этом разобраться. А те, кто мыслит штампами, пусть мыслят себе. Я понимаю, иногда хочется мыслить так, как создал себе представление.

Ф.ЗАКАРИЯ: Вы хотите сказать, что ничего не пройдёт без Вашей подписи. По сути, значит, Вы принимаете решения в отношении внешней политики и внутренней.

Д.МЕДВЕДЕВ: Мне даже странно от Вас это слышать. Внешней политикой у нас вообще занимается только один человек, это Президент страны, по-моему, это видно, я всё время в командировках провожу. Естественно, что все директивы, все решения принимаются Президентом. Все решения, которые требуют обсуждения, принимаются на Совете Безопасности, но они скрепляются подписью Президента.

Ф.ЗАКАРИЯ: Ну вот я смотрю на Ваши переговоры с Украиной. Госпожа Тимошенко проводила переговоры с премьер-министром Путиным...

Д.МЕДВЕДЕВ: Это нормально, это же экономические отношения, два правительства этим занимаются. Вы же на основании этого не задаёте вопрос о том, кто там такие решения и как принимает. По нашей Конституции, по нашим законам вопросы международных экономических связей ведёт Правительство, это его ответственность. Но если говорить уже о всех финальных решениях, то они всё равно за Президентом.

Ф.ЗАКАРИЯ: Вы думаете, Вы более либеральны, чем Владимир Путин, или нет?

Д.МЕДВЕДЕВ: Это хорошая постановка вопроса. Владимир Путин, когда встречался со своими коллегами, с политологами недавно, сказал, что мы с ним «одной крови». Вот если под «кровью» понимать наше образование, то это именно так. Потому что хотел бы, чтобы и Вы об этом знали, хотя я уверен, что Вы об этом знаете, но и чтобы знали наши читатели, у Путина есть юридическое образование, он родился не в

разведке и в не в КГБ. Кстати сказать, это один из лучших университетов страны. В этом смысле у нас с ним очень близкие убеждения. Но если говорить о каких-то нюансах, о предпочтениях, то это точно может разниться. У меня есть свои представления, у него есть свои представления. Он эти представления в течение восьми лет реализовывал, и, на мой взгляд, реализовывал успешно. Нет одинаковых людей, нет одинаковых руководителей.

Ф.ЗАКАРИЯ: Но, когда Вы критикуете сегодняшнюю Россию, создаётся ощущение, что это критика последних восьми лет, потому что многие из этих тенденций ухудшились именно за последние восемь лет.

Д.МЕДВЕДЕВ: Это не так. Потому что все проблемы, о которых мы с вами говорим и о которых я написал в статье, это проблемы не последних десяти лет. Если говорить о сырьевой составляющей нашей экономики, то это не мы придумали – не Путин и не я. Это было сделано ещё в 60–70-е годы, когда мы начали в больших объёмах «качать» нефть и газ. Это неплохо, но, к сожалению, мы развивали только одно направление. Но у Советского Союза был достаточно мощный технологический потенциал, это правда. Он был основан в большей степени на военных технологиях, но он был довольно эффективным по тем временам, подчёркиваю.

А вот в 90-е годы произошёл провал, и в последнее десятилетие мы его не восполнили, это так. В этом смысле эти проблемы копились, и нам сейчас приходится их «расхлёбывать», как принято у нас говорить, то есть мы с этими проблемами сталкиваемся ежедневно. Поэтому это не проблемы экономической деградации последнего десятилетия, я говорил Вам об этом и ещё раз хочу сказать. Главный показатель для страны – уровень жизни. Можно так нерационально распорядиться сырьевыми доходами, что даже уровень жизни расти не будет, и таких примеров очень много.

Поэтому, наверное, все совершали ошибки, никто от них не застрахован, и в этом десятилетии они, конечно, были. Я уверен, что мы могли лучше подготовиться к кризису, что мы лучше могли укрепить нашу финансовую систему, провести модернизацию ряда предприятий, а увлеклись другими вещами.

Мне сегодня приходилось ещё рассуждать на тему о том, что, к сожалению, наш бизнес не хочет вкладываться в новые технологии. Это ментальная проблема, но она очень важная, потому что нельзя всё время гнаться только за деньгами. Это, знаете, как на одной из последних встреч Джордж Буш мне сказал, что во всём виноват Уолл-стрит. Может быть, и так, но, с другой стороны, Уолл-стрит не в безвоздушном пространстве находится, а это часть экономики, часть государственной системы. Поэтому мы должны здесь просто принимать разумные решения, двигаться вперёд.

Ф.ЗАКАРИЯ: Вы думаете, что у Вас хорошо получается как у Президента?

Д.МЕДВЕДЕВ: Об этом, наверное, не мне судить в полной мере, насколько что-то удаётся сделать или нет, хотя есть объективные показатели, они тоже существуют. Я считаю, что в нашей стране власть должна быть авторитетной. Она в каждой стране должна быть авторитетной, конечно, но в некоторых странах не знают фамилии своего премьер-министра, просто такова политическая культура, и никаких проблем нет. А в некоторых странах очень важно, чтобы было понятно, кто руководит государством, было понятно, кто входит в основное политическое руководство страны. Может быть, это часть нашей истории, может быть, ещё чего-то. Но это достаточно важная вещь для нашей страны. Поэтому эти оценки давать не мне, это уж точно.

Ф.ЗАКАРИЯ: Но если Вы справляетесь, то совершенно правильно для Вас снова постараться избираться в 2012 году, не так ли?

Д.МЕДВЕДЕВ: Если на то будут все условия, почему нет?

Ф.ЗАКАРИЯ: Таким образом, я должен это полагать как Ваше заявление об участии в президентской гонке на 2012 год?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я думаю, что самое главное – выполнить всё, что я обещал в этом цикле. Тот, кто не доделал работы, положенной ему в этом цикле, и говорит о том, что будет работать и в следующем цикле, будет участвовать в новых избирательных кампаниях, тот поступает безответственно. Разве Президент Обама сказал о том, что он будет баллотироваться на второй срок? Я пока не слышал.

Ф.ЗАКАРИЯ: Но люди полагают, Владимир Путин недавно сказал, что он и Вы договоритесь, как Тони Блэр и Гордон Браун, и у многих людей сложилось впечатление, что господин Путин собирается избираться в 2012 году снова. Как Вы с ним эти вопросы обговариваете?

Люди задаются вопросом о будущем, им интересно знать, Вы или премьер-министр Путин, договорились ли

вы как-то, будет ли он избираться в следующий раз, а Вы будете тогда премьером? Какое реальное состояние ваших переговоров с ним на этот счёт?

Д.МЕДВЕДЕВ: Я думаю, что это абсолютно точное рассуждение. Если говорить об ответственных политиках, представляющих одну политическую силу, а мы с премьером Путиным, естественно, представляем одну политическую силу, то при принятии таких решений, будь то 12-й год или 17-й год, необходимо смотреть на реальную ситуацию. Речь не идёт о том, чтобы просто предложить себя народу, но речь идёт о другом. Каждая политическая сила должна быть ответственной. Когда, допустим, партия принимает решение выдвинуть кого-то на должность Президента, она исходит из того, какие кондиции у этого человека, насколько он является проходным, способен ли он победить. Об этом и шла речь, когда Владимир Путин отвечал на этот вопрос. При этом должны учитываться самые обычные показатели, в том числе рейтинг. Ну у нас пока нормальный рейтинг с ним. Поэтому мы договоримся, это точно.

Ф.ЗАКАРИЯ: Но тогда следует понимать, что Вы будете избираться на второй срок. Вы готовы будете избираться?

Д.МЕДВЕДЕВ: Мы должны завершить ту работу, которую сейчас ведём. Если она будет успешной, то такие решения будут приняты, конечно.

Ф.ЗАКАРИЯ: Господин Президент, большое спасибо.

Спасибо, что Вы согласились дать интервью.

Д.МЕДВЕДЕВ: Спасибо.

(Записано 15 сентября 2009 года)

Автор: Артур Скальский © Президент России ОФИЦИОЗ, РОССИЯ 👁 4296 21.09.2009, 08:19 📌 185
URL: <https://babr24.com/?ADE=81016> Bytes: 46435 / 46435 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/@kras24_link_bot)
эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)